

и формы *māti*, *dēt'i*, сопоставляемые съ лит. *motē* или *môtē duktē*, съ другой стороны. *vēdē* мы здѣсь же отведемъ—оно совершенно не показательно, такъ какъ исходное *ē* можетъ быть приписано влиянію со стороны *vēdēti* etc.

Возникаетъ вопросъ: теорія для фактовъ или факты для теорій?

§ 51. Ученіе Jagić'a отличается совершенно такими же особенностями, какъ и ученіе Фортунатова-Meillet-Pedersen'a, и то, что ученіе это представляетъ собою ученіе Фортунатова-Meillet Pedersen'a вверхъ ногами, дѣлу не помогаетъ.

Перечислять случаи, гдѣ постулируется та или другая непервоначальность, не буду—въ наличности такихъ случаевъ убѣдить первый взглядъ.

И тутъ возникаетъ вопросъ: теорія для фактовъ или факты для теорій?

§ 52. Ученіе Huger'a представляетъ попытку извлечь похожее на истину и изъ ученія Фортунатова-Meillet-Pedersen'a, и изъ ученія Jagić'a—попытку отчаянія.

Ученіе Huger'a лучше приспособлено къ фактамъ, чѣмъ ученіе Фортунатова-Meillet-Pedersen'a, или Jagić'a, и вопросъ: теорія для фактовъ или факты для теорій? по отношенію къ нему возникаетъ съ меньшей остротой.

И все же, здоровая научная мысль не можетъ не признать ученія Huger'a не только курьезомъ, но и монстромъ.

§ 53. Построеніе Hirt'a методологически гораздо чище прочихъ построеній: тутъ нѣтъ обычной игры въ непервоначальности.

Къ сожалѣнію, построеніе Hirt'a относительно *ē* и *i* изъ *ōi* и *ē* нельзя вырвать изъ его общаго построенія о звуковыхъ измѣненіяхъ въ прасловянскомъ исходѣ слова, а это общее построеніе черезчуръ шатко.

§ 54. Приступая къ изслѣдованію вопроса вновь, прежде всего заявляемъ, что праславянское удареніе и скрывающіяся за ними проиндоевропейскія интонаціи—вещь, съ которой необходимо самое осторожное обращеніе. Говорить направо и налево о первоначальности ударенія или интонаціи пріемъ совершенно недопустимый. Конечно, нельзя а priori сказать, чтобы всякая непервоначальность была совсѣмъ невозможна, — но всякая предполагаемая непервоначальность должна быть предметомъ